
Н. И. ГУБАНОВ, Н. Н. ГУБАНОВ

РОЛЬ МЕНТАЛИТЕТА В ПРЕОДОЛЕНИИ АНТРОПОГЕННЫХ КРИЗИСОВ

Необходимым условием успешных ответов общества на антропогенные кризисы служит адекватность изменений сначала элитарного, а затем массового менталитета. В статье описываются ментальные изменения, которые предшествовали разрешению кризисов в разные эпохи. С использованием нового концепта «глобалистский менталитет» анализируются перспективы решения глобальных проблем.

Ключевые слова: менталитет, вызовы истории, антропогенные кризисы, глобальные проблемы, глобалистский менталитет, мультилингвизм.

Как показал А. Д. Тойнби, развитие любого общества происходит по правилу «Вызов-и-Ответ». Вызовы истории – это факторы, которые на данном этапе развития общества ставят под угрозу его нормальное существование и развитие. «Вызов, – писал Тойнби (1996: 99), – побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние».

Тойнби различал вызовы природной и человеческой среды. Он описал конкретные вызовы и порождаемые ими стимулы развития египетской, шумерской, китайской, майянской, андской, минойской и других цивилизаций. К природным вызовам относились иссушение почвы, изменение климата, наступление тропического леса, «вызов Посейдона» (трудности мореплавания) и др. Были случаи, когда то или иное общество вначале успешно справлялось с вызовом природы, но потом уступало ей. Тойнби приводит примеры поглощения джунглями цивилизации майя, Аравийской пустыней – Петры и Пальмиры и т. д. А сколько древних племен погибло, не выдержав вызовов, никому не ведомо.

К вызовам человеческой среды Тойнби отнес «стимул ударов» (внешней агрессии), «стимул давлений» (непрерывного внешнего воздействия), «стимул ущемления» (лишения части прав какого-

либо населения) (Тойнби 1996: 114–140). Описанные вызовы истории можно назвать частными, поскольку они затрагивали отдельные конкретные общества. Во всех случаях условием успешного ответа были адекватные имевшимся условиям изменения сначала элитарного, а затем и массового менталитета. Наряду с частными можно выделить и общие вызовы, имевшие и имеющие значение для всей мировой цивилизации.

Чтобы рассмотреть роль менталитета в формировании ответов на вызовы, определим ключевое понятие. За два последних десятилетия оно стало широко использоваться в отечественной философии, истории и других социально-гуманитарных науках. Чаще всего оно служит синонимом категорий сознания, массового сознания, идеального, субъективной реальности, духовного мира, психики человека либо наименования какого-то уровня психики. В этих случаях термин «менталитет» никаким новым значением не обладает и является избыточным, хотя и модным.

Духовный мир человека в целом, его свойства, процессы, состояния, уровни, включая сознательное и бессознательное, имеют наименования, так что для их обозначения и характеристики новые термины не требуются. А вот *особенности всех элементов сознания и бессознательного* не имели своего наименования. Эту ранее не фиксированную в каком-либо слове реальность мы обозначаем термином *менталитет*, который соответствует общепсихологической категории особенного. *Менталитет*, или *ментальность* – это система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности, возникшая на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта. Эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует или тормозит продуцирование культурных новаций. В менталитет входят либо уникальные социально-психологические признаки, либо их своеобразное сочетание (которого нет у других субъектов), либо количественная выраженность признака, специфичная для данного субъекта. К ментальным признакам относятся также качества личности (способности, черты характера и др.) и содержание духовного мира (идеи, установки, представления и др.) (Губанов 2009).

Носителем менталитета является индивидуальный или коллективный субъект. В первом случае менталитет – это то, что отличает одного человека от других в социально-психологическом плане. Во втором случае признаки менталитета характеризуют общее в духовном мире группы и ее отличие от других групп. Сравнительно новая для наших социально-гуманитарных наук категория менталитета обладает значительными эвристическими возможностями. Духовный мир регулирует активность (общение, поведение, деятельность) субъекта в целом, а менталитет в составе духовного мира детерминирует *специфический характер этой активности, ее направленность*. Например, эта категория позволяет дифференцировать ответы на вопросы: «Почему люди участвуют в политическом движении?» и «Почему они участвуют в *этом* движении, а в *других* не участвуют?»; «Почему человек разделяет религиозные взгляды?» и «Почему он разделяет *именно эти* взгляды?» и т. п. Применительно к взаимодействию социальных групп и цивилизаций понятие менталитета позволяет исследовать вопрос о том, почему в одних случаях такое взаимодействие плодотворно для взаимодействующих сторон, а в других случаях из-за деструктивных ментальных различий социумов оно имеет негативные последствия (Губанов 2006).

Ранее одним из авторов была предложена социокультурная гипотеза функционирования менталитета в социуме. Воспроизведем ее в сжатом виде. Согласно А. С. Ахиезеру (1997), конкретной формой основного противоречия в обществе выступает противоречие между культурой и социальными отношениями. Культура – это система представленных в знаках надбиологических программ человеческой активности – деятельности, поведения, общения. Поскольку менталитет детерминирует характер активности индивида или социальной группы, специфику и направленность этой активности, то он может быть истолкован как ядро личностной и групповой культуры, как стратегическая культурная программа субъекта. Это позволило предположить, что одно из основных противоречий общества имеет форму противоречия между менталитетом, воплощающим в себе новые формы культуры, и социальными отношениями. В результате индивидуального культурного творчества в качестве ответа на вызовы истории зарождаются новые ментальные особенности как программы человеческой активности. Они распространяются в социуме и становятся компонентами группового менталитета. Возникшее противоречие между менталитетом

и прежними социальными отношениями порождает конструктивную напряженность, преодоление которой через воспроизводительную деятельность субъектов приводит к установлению более прогрессивных социальных отношений (Губанов 2010).

Какие же ментальные изменения происходили в ответ на вызовы истории и как они обеспечивали сохранение человечества?

Наиболее продуктивные вызовы истории возникают в результате антропогенных кризисов – кризисов, обусловленных деятельностью самого общества. Их масштаб ограничивался отдельным географическим регионом, реже включал в себя целые континенты. Эти кризисы хотя и не охватывали до середины XX века все человечество одновременно, в ряде случаев приобретали глобальный характер, поскольку их разрешение представляло ступени в развитии человечества. Природу и содержание антропогенных кризисов изучал А. П. Назаретян (2004; 2008), результаты исследования которого мы используем. Он показал, что механизм таких кризисов описывается системной моделью техно-гуманитарного баланса: *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные культурные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества*. Предполагается, что агрессия может быть нацелена как на людей, так и на природу.

Предложенная модель помогает прояснить некоторые аспекты и эпизоды человеческой истории. «Закон техно-гуманитарного баланса, – пишет Назаретян, – контролировал процессы исторического отбора, выбраковывая социальные организмы, не сумевшие своевременно адаптироваться к собственной силе» (Он же 2004: 10).

Первый вызов истории предстал, по-видимому, еще перед ранними гоминидами у истоков нижнего палеолита (0,7–1,2 млн. лет назад). Использование искусственных орудий дало им шанс на выживание в межвидовой борьбе. Вместе с тем эффективность орудийных средств нападения (специально заостренных галечных отщепов, костей, дубин) приводила к гибели самих гоминид в ходе внутривидовых стычек. Выжили те популяции, в менталитете которых сформировались надынстинктивные протокультурные регуляторы, ограничивавшие агрессию внутри группы за счет переноса ее на «чужих».

Имеются гипотезы, что классические неандертальцы проиграли в конкуренции неантропам (кроманьонцам) из-за того, что культура Мустье переживала тяжелый кризис, вызванный несоразмерностью сложившихся механизмов сдерживания социальной или

экологической агрессии инструментальным возможностям (Назаретян 2004: 26). Иначе говоря, их менталитет не среагировал адекватно на возросшую техническую мощь.

Еще один крупный вызов истории фиксируется накануне неолитической революции (X–VIII тыс. до н. э.). Развитие охотничьих технологий (ловчие ямы, копья и копьеметалки, а затем лук, силки) резко повысило эффективность охоты. Численность населения планеты стала быстро расти и достигла 7,5 млн. человек. Но большой масштаб охоты, часто чрезмерной и не оправданной нуждами племен, привел к резкому сокращению мегафауны. В то время с лица Земли исчезло до 90 % крупных животных, в частности были полностью истреблены мамонты, мастодонты и т. д. В результате возникшего голода и обострения межплеменной конкуренции население средних широт планеты сократилось в несколько раз.

Разрешение кризиса произошло в результате смены способов деятельности и производственных отношений. В менталитете безвестных неолитических творцов возникли идеи: не убивать животных, а приручать их и разводить; не только собирать зерно и плоды, а сажать растения и выращивать. Возможно, эти идеи не сразу были приняты соплеменниками, но постепенно они получили признание. Произошел переход большинства племен от присваивающего хозяйства (собираательства и охоты) к производящему (земледелию и скотоводству). Этот переход был сопряжен с комплексными изменениями в социальных отношениях, в частности с установлением взаимовыгодных отношений между воинами (охранниками) и производителями. Назаретян отмечает, что «впервые в истории человечества прогрессивная социальная *идея* победила не путем физического устранения носителей устаревшей идеи (что было обычным для палеолита), а через “смену ментальной матрицы”» (Там же: 19).

Еще один серьезный вызов истории предшествовал периоду, который К. Ясперс назвал *осевым временем* – середина I тысячелетия до н. э. На Переднем Востоке, в Закавказье, Восточном Средиземноморье, Индии, Китае началось производство железа. Бронзовое оружие сменилось стальным, которое было значительно дешевле, легче, прочнее и эффективнее бронзового. Привычная установка на максимальное истребление противника при новом оружии создала угрозу взаимного разрушения передовых государств.

Ответом культуры на этот вызов истории и стал ментальный переворот осевого времени. Появились мыслители, политики

и полководцы нового типа: Заратустра, иудейские пророки, Будда, Конфуций, Лао-цзы, Кир, Ашока, Сократ и другие. Их креативная деятельность существенно повлияла на менталитет своих народов, приведя к относительной «гуманизации» политических конфликтов и войн. Изменения менталитета народов заключались в том, что мифологическое мышление стало вытесняться мышлением критически-рациональным. Было сформулировано золотое правило нравственности, совесть частично вытеснила богобоязнь. «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей» (Ясперс 1994: 38). Мерилом эффективности военных действий стало считаться не количество жертв, как раньше, а достижение предметной цели. Значительно повысилась роль пропаганды среди войск и населения противника с целью их умиротворения и ограничения террора. Враги учились видеть друг в друге людей, понимать и сочувствовать друг другу. Разумеется, не все моральные, религиозные, политические и правовые новации принимались и давали нужный эффект. Но в целом в результате произошедших ментальных изменений у разных народов были выработаны культурные средства ограничения агрессии и насилия, что позволило сохраниться передовым культурам. Таким образом, *осевое время – это период ментальной революции как ответ культуры на возникший опасный разрыв между технологической мощью и имевшимися способами сдерживания агрессии.*

Первоначально кардинальные ментальные изменения произошли в Китае, Индии, Персии, Палестине и Греции. Затем в орбиту осевого времени были втянуты на западе германские и славянские народы, а на востоке – японцы, малайцы и сиамацы. «Народы, не воспринявшие идей осевого периода, – отмечал К. Ясперс, – остаются на уровне “природного” существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков» (Там же: 38). Такие народы, по Ясперсу, являют собой пережиток доистории, сфера которой все время сокращается вплоть до исчезновения. Вопрос об одновременности духовных преобразований в трех совсем мало связанных друг с другом регионах Ясперс назвал тайной. Закон техногуманитарного баланса помогает прояснить этот вопрос. *Антропогенный кризис, связанный с использованием железного оружия, почти одновременно возник в трех регионах. Поэтому и ментальный ответ на него был однотипным и одновременным. Этот ответ*

позволил ведущим цивилизациям сохраниться и вступить в новую фазу развития. Феномен осевого времени служит подтверждением положения о единстве мировой истории, о том, что все страны развиваются по единым законам и в случае разрешения антропогенных и иных кризисов раньше или позже проходят сходные этапы своего существования.

Значительный вызов истории предшествовал и промышленной революции. Развитие сельскохозяйственных технологий стимулировало демографический рост на протяжении нескольких столетий. Из-за повсеместной вырубке лесов и возникновения болот, загрязнения рек отходами бесконтрольно растущих городов разрушались экосистемы и падал уровень производства, что сопровождалось социальной напряженностью, беспорядками, эпидемиями. В XIV веке чума унесла более трети населения Западной Европы. Все более кровопролитными становились войны. «Развитие сельскохозяйственных технологий обернулось очередным тупиком, как задолго до этого – развитие охотничьих технологий» (Назаретян 2004: 28). Разрешение этого кризиса произошло благодаря промышленной революции, переходу к использованию каменного угля вместо дров, массовой миграции населения Европы в Америку и внедрения продуктивных заморских культур (картофеля, кукурузы и др.). Все эти процессы предварялись и постоянно стимулировались глубокими изменениями ментальности. Наука и научное знание в становящейся техногенной цивилизации были признаны важными факторами общественного успеха. В массовый менталитет входили идеи гуманизма, просвещения, демократии, равенства, индивидуального и международного права. Формировались ценностные ориентации на личный успех, независимость, предпринимательство, высокую квалификацию, хорошее образование. Эти и другие изменения в ментальной сфере обеспечили преодоление сельскохозяйственного кризиса и обусловили переход от традиционной цивилизации к индустриальной.

Становление промышленного производства благодаря совершенствованию техники постоянно повышало преобразовательные возможности людей. Это обеспечило в развитых странах комфортные условия жизни, высокий уровень потребления, хорошее медицинское обслуживание. Однако к началу XX века резервы экстенсивного индустриального развития были исчерпаны, хотя инерция экстенсивного роста продолжала действовать. Разрешение кризиса аграрного общества стало началом пути к кризису индустриального

общества. Он сформировался к середине XX века и проявил себя в виде глобальных проблем современности. *Эти проблемы – самый серьезный вызов истории человечеству за все время его существования.* Масштаб промышленного производства и техногенное давление на природу превысили возможности регуляторных механизмов биосферы и в значительной мере исчерпали многие природные ресурсы. Небывало увеличился разрыв между развитыми и развивающимися странами. Соотношение величины доходов между пятью богатыми и пятью беднейшими странами постоянно возрастает. В 1960 году оно составляло 30:1, в 1990 году – 60:1, в 1997 году – 74:1 (Федотова 2003: 10). Это повышает международную напряженность. За 100 лет (с середины XIX века до середины XX века) мощь боевых орудий возросла на 6 порядков, т. е. в миллион раз. В результате возникла опасность глобальной катастрофы. Индустриальный прогресс привел к трагическому парадоксу: никогда еще человечество не было таким могущественным в техническом и научном отношении, как в середине XX века, и никогда до этого не стояло оно на грани всеобщей катастрофы.

Многие допускают, что разрешение современного антропогенного кризиса может произойти в ходе информационной революции (Назаретян 2004: 28), и эта революция уже началась. Она снова, как и в прежние эпохи, инициируется изменениями в элитарном и массовом менталитете. Один из важнейших сдвигов заключается в переоценке роли науки и научного знания. В менталитете научной интеллигенции наука и научное знание из значительных факторов обеспечения прогресса становятся решающими. Отсюда следует усиливающееся использование новаций в экономической, социальной, политической сферах общества. Происходит замена прежних технологий новыми, наукоемкими и потому энергосберегающими, которые к тому же вовлекают в производство ранее не использовавшееся сырье.

Как известно, научное знание может использоваться и во зло, чем более развита наука, тем большие негативные последствия может иметь ее неразумное применение. Научно-техническое развитие постоянно порождает разнообразные риски. Риск рассматривается как результат избыточности технологического и научного прогресса, отсутствия прогностической освоенности порождаемых последствий. Чем фундаментальнее открытие или техническая инновация, тем связанные с ними риски также становятся фундамен-

тальнее» (Тищенко 2010: 42). Поэтому У. Бек назвал становящееся сейчас общество *обществом риска* (Бек 2000).

Как реакция на эту опасность в менталитете современных ученых оформилась идея соединения науки с этикой, синтеза поиска истины с гуманистическим идеалом. Принцип классической и неклассической науки «Обнаруживай истину и наращивай истинное знание» признается недостаточным. Принцип современной – постнеклассической – науки: «Ищи истину только для блага людей». В постнеклассической науке устанавливаются связи между внутринаучными и вненаучными целями и ценностями. Одной из форм таких связей выступает социально-этическая экспертиза научных программ и проектов, которая должна выявить социальные последствия предлагаемых научных проектов и соответствие ожидаемых результатов практического внедрения научных открытий принципам гуманизма и нормам общечеловеческой морали. Усиление этического компонента науки противодействует возможности антигуманного применения научного знания, а также непреднамеренных отрицательных последствий научных экспериментов.

Особенно значительные риски для человечества и биосферы в целом (наряду с большими позитивными перспективами) представляют начавшиеся во второй половине XX века исследования в медико-биологических науках. Эти исследования связаны с пересадкой органов, созданием и использованием искусственных органов и технических устройств в организме, функционированием генома и воздействием на генетический аппарат, возможным клонированием организмов, криогенизацией, эвтаназией, расшифровкой мозговых кодов психических явлений, электрическими, магнитными, химическими и иными воздействиями на мозг. Осознание учеными этих рисков привело к существенным ментальным новациям. Некоторые из них, например принцип благоговения перед жизнью А. Швейцера, даже упредили развитие медико-биологических наук и развитие экологического кризиса. Новации, основанные на уже имевшихся принципах медицинской этики и деонтологии, выразились в конечном счете в возникновении такого важного ментального феномена современности, как биоэтика. Эта наука «реализуется как форма социально распределенной экспертизы... рисков научно-технического прогресса в области биологии и медицины» (Тищенко 2010: 48).

Термин «биоэтика» ввел американский ученый В. Р. Поттер в 1969 году. Он писал, что «человечество нуждается в соединении

биологии и гуманитарного знания, из которого предстоит выковать науку выживания» (Поттер 2002: 34). Биоэтика стала наиболее динамичным разделом этического учения. Она ставит проблемы, которых не было в традиционной этике, и формирует самые живые «точки роста» этического знания. *Биоэтика – ответ нравственного менталитета на риски развития медико-биологического знания и ухудшение экологической ситуации.* Эта ведущая сейчас отрасль этического знания формирует нравственные принципы деятельности биологов, врачей, педагогов, да и всех людей, направленные не только на сохранение, укрепление и активное «создание» здоровья людей, но и на сохранение биосферы в коэволюционном процессе социоприродного развития. Н. Н. Моисеев ввел в научный оборот понятие «экологический императив». Это «та граница допустимой активности человека, которую он не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах» (Моисеев 1994: 8). *Экологический императив – ответ формирующегося глобалистского менталитета на угрозу общепланетной катастрофы.* Он призван ограничить агрессивность общества по отношению к природе.

Принципы биоэтики сегодня в обобщенной форме представлены в международном документе «Конвенция о защите прав и достоинств человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (принята Советом Европы в 1996 году). В России с учетом рекомендаций международных организаций приняты «Кодекс врачебной этики», «Этический кодекс фармацевтического работника», «Этический кодекс медицинской сестры», «Российская декларация в защиту прав пациента». В биомедицинских исследованиях существует три механизма этического регулирования: 1) информированное согласие, которое перед началом исследования дает испытуемый; 2) научные журналы публикуют только те статьи, авторами которых удостоверяют проведение их исследований с соблюдением этических норм, принятых Хельсинкской декларацией Всемирной медицинской ассоциации; 3) исследовательский проект может осуществляться только после его одобрения независимым этическим комитетом (Юдин 2010). Разработка принципов биоэтики и рекомендательных документов продолжается.

Помимо отмеченных ментальных новаций, направленных на разрешение антропогенного кризиса, наметилась тенденция к становлению нового, не существовавшего до этого типа менталитета. До сих пор на планете наибольшее число носителей имели этниче-

ские (народные), национальные (общегосударственные) и региональные менталитеты. Теперь же наблюдается *возникновение принципиально нового – общецивилизационного, или глобалистского – менталитета*. Прежние групповые менталитеты включали в себя социально-психологические особенности, присущие всем членам данной группы и отличающие ее от других. Эти менталитеты детерминировали в каждой группе *особые способы* восприятия мира, мышления, поведения, деятельности. Их функцией было обеспечение самовоспроизводства групп. Ментальные установки групп могли противоречить друг другу, что порождало конфликты. Менталитет нового типа может обеспечить *единые в необходимых рамках способы восприятия и поведения представителей разных социумов*. Планетарный менталитет способен включить в себя ментальные черты, необходимые *всем социальным общностям* (этническим, национальным, региональным, конфессиональным, профессиональным) для организации поведения и деятельности, ориентированных на решение глобальных проблем и сохранения земной цивилизации (Губанов Н. И., Губанов Н. Н. 2011). Глобалистский менталитет – противоположность этнических, национальных и региональных менталитетов, и его формирование составляет *квинтэссенцию ответа человечества на глобальный вызов истории*.

Из всех глобальных проблем особенно большую опасность для человечества представляют военная и экологическая проблемы. Экологическая ситуация на планете ухудшается, а конфликты между цивилизациями, в частности европейской (западной) и мусульманской, обостряются. С. Хантингтон (2003) высказал предположение, что в XXI столетии источником мировых конфликтов будут уже не экономические, а культурные противоречия, воплощающиеся в религиозных, нравственных, эстетических представлениях и понятиях, т. е. в целом – в различии менталитетов представителей разных цивилизаций. Теория столкновения цивилизаций Хантингтона интенсивно обсуждается во всем мире. Часть ученых отказывают ей в научном статусе, другие видят в ней основу для плодотворных исследований. Как отмечают В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов и А. Ю. Хоц, проанализировавшие мнения 41 эксперта по конфликтологии, «теория “столкновения цивилизаций” есть... *фиксирование уже существующих в реальности тенденций, которые, если им не противодействовать, в будущем могут составить основное содержание мирового глобального развития*» (Авксентьев

и др. 2009: 81). Это не конфликтообразующая концепция (как ее пытались изобразить некоторые авторы), а диагностика важнейших проблем, позволяющая своевременно увидеть опасность и создать механизмы противодействия. История имеет многовариантный характер: из точек бифуркации развитие общества может пойти по одному из множества путей и реализовать какой-либо из возможных сценариев. Сценарий «столкновения цивилизаций» необходимо заменить ситуацией «диалога цивилизаций», а в последующем – вариантом «сотрудничества цивилизаций». Одним из необходимых условий предотвращения межцивилизационных конфликтов наряду с решением экономических и политических вопросов как раз и является формирование глобалистского менталитета, который может обеспечить достаточную для благополучного существования различных социумов ментальную общность.

Такой менталитет синтезирует оптимальные культурно-психологические особенности различных социумов, ценности техногенной и традиционной цивилизаций. Когда он охватит достаточную часть населения планеты, это поможет решить проблему столкновения цивилизаций и другие глобальные проблемы.

«Человек впервые реально понял, что он житель Планеты, – писал В. И. Вернадский. – Он может и должен мыслить не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в планетарном аспекте» (Вернадский 1977: 24). Ядром общецивилизационного менталитета можно считать чувство глобальности, или всечеловеческой идентичности: представление *себя* неотъемлемой частицей общего человечества. Другими его компонентами становятся такие качества личности, как свобода от национального и регионального эгоизма, нетерпимость к насилию, бережное и разумное отношение к природе, приверженность нормам разумного, или умеренного, потребления материальных благ – именно благодаря этому наша планета может превратиться в ноосферу.

Существенным фактором становления глобалистского менталитета является *мультилингвизм* – употребление в пределах определенной социальной общности, скажем, страны, нескольких языков, служащее средством обогащения культур. Как справедливо отмечает казахская исследовательница Б. Б. Арынгазиева (2009: 73), «мультилингвизм – это не только способность говорить на нескольких языках, это еще и особый тип мышления, впитывающий в себя культурные ценности нескольких цивилизаций, иначе, мыш-

ление, открытое к диалогу». В Казахстане принята программа, ориентирующая школьников на овладение тремя языками: государственным (казахским), межнационального общения внутри страны (русским), международного общения (английским). Д. Ганди, известный индийский педагог, президент крупнейшей в мире школы, включающей 37000 учащихся, полагает, что ребенок должен владеть как минимум тремя языками – местным, государственным и международным (Пырин и др. 2009).

Как известно, все политические силы, партии, правительства, представители религиозных и философских течений склонны выдавать собственные системы ценностей и идеологические установки за общечеловеческие и оптимальные для прогресса. Вопрос о том, какие ценности должны войти в глобалистский менталитет, при всей его важности слабо разработан. Но, несмотря на огромные трудности, эту задачу нельзя считать неразрешимой. А. А. Берелехис и С. Г. Ильинская показали, что в ценностной сфере наблюдается существенный феномен: с появлением новых жизненно важных проблем старые ценности частично пересматриваются и корректируются в соответствии с необходимостью решения данных проблем (Берелехис, Ильинская 2007). Наличие общих проблем способно порождать конструктивные сходства между субъектами. Это позволяет предположить, что ценностные системы разных социумов будут сближаться по мере расширения поля общих проблем: люди обладают способностью объединяться перед лицом общей опасности.

Таким образом, для конструктивного ментального сближения социумов необходимы мощные объединяющие цели. Сегодня такие общие цели обозначились в виде необходимости решения глобальных проблем. Можно предположить следующую схему разрешения конфликта ценностных ориентаций и в целом менталитетов различных социумов: осознание людьми общих опасностей и порождаемых ими общих проблем – диалог социумов по вопросам ценностей – перестройка ценностных систем в разных социумах – ценностный консенсус в форме глобалистского менталитета. Глобальные проблемы, с одной стороны, порождают невиданные доселе опасности, а с другой – служат фактором сближения менталитетов, что, в свою очередь, является и одним из необходимых условий решения этих проблем.

Какие же ценности могут интегрироваться в глобалистский менталитет? К числу универсальных сегодня, как правило, относят

ценности, необходимые для того, чтобы жить в едином мировом сообществе. Согласно выводам Берелехиса и Ильинской, это прежде всего витальные ценности: право на жизнь и продолжение рода, сохранение здоровья, неприкосновенность личности. Затем экологические ценности: чистые почва, вода, воздух, достаточность основных ресурсов. Первичные гражданские права: защита от насилия и принуждения, свобода перемещения, неприкосновенность жилища, свобода совести, собраний, ассоциаций. Политико-правовые ценности: независимость суда, свобода печати и участия граждан в политической жизни.

Следует ожидать, что в цивилизации нового типа и в соответствующем ему глобалистском менталитете снизится характерная для техногенной цивилизации ценность потребления и возрастет ценность самосовершенствования человека, присущая восточному менталитету. Ценность преобразовательной деятельности, несомненно, сохранится, но обретет новые измерения. Эти измерения включают в себя бережное отношение к природе и основанные на принципе китайской культуры «у-вэй» ненасильственные действия. В рамках синергетики сейчас разрабатываются аналогичные «у-вэй» методы: сравнительно слабые, строго направленные воздействия на систему, приближающуюся к бифуркации, дают выраженный положительный результат (Степин 2006). Одна из самых важных задач социально-гуманитарных наук состоит в изучении тех новаций, которые возникают в экономике, науке, философии, искусстве, морали, политическом и правовом сознании. Такое изучение даст возможность обнаружить направления роста новых ценностей, что позволит создать синтетическую модель будущей системы ценностей.

Литература

Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В., Хоц, А. Ю. 2009. Конфликт цивилизаций: Pro et Contra (Мнение экспертов). *Социс* 4: 73–81.

Арынгазиева, Б. Б. 2009. Мультилингвизм как условие диалога культур. *Вестник РФО* 2: 72–75.

Ахнезер, А. С. 1997. *Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)*. Т. 1. *От прошлого к будущему*. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.

Берелехис, А. А., Ильинская, С. Г. 2007. О конфликте различных систем ценностей. *Философские науки* 3: 111–129.

Вернадский, В. И. 1977. *Размышления натуралиста*. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР.

Губанов, Н. И., Губанов, Н. Н. 2011. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов. *Социс* 4: 51–58.

Губанов, Н. Н.

2006. Менталитет и его функционирование в обществе. *Философия и общество* 4: 125–141.

2009. Эпистемологический статус категории менталитета. *Вестник Воронежского гос. университета* 2: 71–84.

2010. Менталитет и образование в системе движущих сил развития общества. *Социология образования* 1: 22–29.

Моисеев, Н. Н. 1994. *Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ*. М.: Наука.

Назаретян, А. П.

2004. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия. *Философские науки* 7: 5–33.

2008. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. 2-е изд. М.: URSS.

Поттер, В. Р. 2002. *Биоэтика. Мост в будущее*. Киев: Изд. В. Карпенко.

Пырин, А. Г., Бирюков, Н. И. 2009. Ответственность социального института. *Вестник РФО* 4: 142–146.

Степин, В. С. 2006. Философия в эпоху цивилизационных перемен. *Вопросы философии* 2: 19–29.

Тищенко, П. Д. 2010. Биоэтика, общество риска и эвристика вызовов. *Философские науки* 12: 42–49.

Тойнби, А. Д. 1996. *Постижение истории*. М.: Прогресс.

Федотова, В. Г. 2003. Терроризм: от старого к новому. *Философские науки* 2: 5–26.

Хантингтон, С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Юдин, Б. Г. 2010. Об этосе технонауки. *Философские науки* 12: 58–66.

Ясперс, К. 1994. Истоки истории и ее цель. *Смысл и назначение истории*. 2-е изд. М.: Республика.